

References

1. Belov V.I. *Izbrannye proizvedeniia. Lad: Ocherki o narodnoestetike* [Selected works. Harmony. Essays of folk aesthetics]. Moscow, 1985. 478 p.
2. Belov V.I. *Povesti i rasskazy* [Novelettes and short stories]. Moscow, 1984. 543 p.
3. Dvorianova N.V. *Khudozhestvennoe postizhenie istorii sovremennogo sostoianiia sem'i v tvorchestve V.I. Belova 1960–1970-kh godov* [The artistic comprehension of history

and modern state of family in works by V. Belov in 1960–1970s]. Moscow, 2008. 24 p.

4. Evseev V.N. *Tvorchestvo Vasiliia Belova kak khudozhestvennaia Sistema* [The works by Vasily Belov as art system]. Moscow, 1989, 16 p.

5. Mitropolit Surozhskii Antonii *Trudy* [Works]. Moscow, 1984 p.

6. Chebotareva I. V. *Ideiasobornosti v proze V.I. Belova* [The idea of unity in the prose by V. Belov]. Moscow, 2002, 189 p.

УДК 81

Е.В. Грудева, С.А. Соловьева

Череповецкий государственный университет

ПЕРЦЕПТИВНЫЙ МОДУС И ЕГО СИНТАКСИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОЗЕ Б. ПАСТЕРНАКА

В статье рассматриваются особенности языкового выражения и интерпретации перцептивного модуса. Так как процесс восприятия может быть представлен двунаправленно: от субъекта к объекту и наоборот, в языке формируются набор структурно-семантических моделей, способных выразить степень активности субъекта, интенсивность воздействия, реакцию субъекта.

Перцептивный модус, перцептивная доминанта, модальная рамка, стабильность и мобильность пространственного моделирования.

The article deals with the peculiarities of linguistic expression and interpretation of perceptual modus. Process of perception can be represented bi-directionally: from subject to object and vice versa. A set of structural-semantic models capable to express the degree of activity of the subject, the intensity of the impact and the reaction of the subject are formed in the language.

Perceptual modus, perceptual dominant, modal frame, the stability and mobility of spatial modeling.

Введение

В ряду актуальных проблемкогнитивного направления, непосредственно связанного с изучением способности человека познавать окружающую действительность и особым образом ее интерпретировать, восприятие занимает важное место. Первым этапом познания признается чувственное восприятие мира: «это первая (чувственная) ступень в процессе познания, звено в цепочке «реальность – ощущения – восприятие – когниция» [8, с. 95].

Доминирование в тексте перцептивного модуса формирует текст с перцептивной доминантой: «перцептивный модус позволяет представлять ситуацию, реализуя изобразительную установку с опорой на зрительные, слуховые и другие чувственные представления (в модальной рамке «я вижу, как»)» [8, с. 20]. При этом понятие модус восприятия может относиться как к диктуму, так и модусу предложения: «в семантической структуре высказывания восприятие представлено не только в диктумной части (объективное содержание), но оно формирует и модус, поскольку отражает способ получения информации» [5, с. 13].

Основная часть

Особенностью прозы Б.Пастернака является то, что модальная рамка «я вижу, как» эксплицируется крайне редко. Тем не менее, именно перцептивный модус оказывается доминирующим, представляя

текстовую ситуацию с позиций зрительных, чувственных и слуховых представлений.

Процесс восприятия на уровне языка может быть представлен двунаправленно: от субъекта к объекту и наоборот. В результате формируются объективные условия для существования большого репертуара структурно-семантических моделей, которые позволяют выразить различную степень активности или пассивности субъекта, интенсивность ощущений, силу воздействия, состояния или реакцию субъекта [5], [6].

Моделирование ситуации восприятия, перцептивных образов, в формировании которых участвуют слух, зрение и т.д., является «определяющим фактором формирования художественной картины мира» [1, с. 130].

Феномен художественной перцептивности связан с описанием доступных наблюдению ситуаций с точки зрения «всеведущего автора»: «Образно-поэтическая перцептивность» характеризуется тем, что элементы наблюдаемости обладают образной конкретностью, она связана с поэтическим временем, пространством и образом перцептора, восприятием мира и выражением его чувств и мыслей» [4, с. 277–279]. По мнению Г.А. Золотовой, любое упоминание о предметах и его свойствах, способных быть воспринятыми зрением, является результатом зрительного восприятия, поэтому фактически любое высказывание содержит в себе информацию о ситуа-

ции зрительного восприятия, даже если она не выражена на формальном уровне [6, с. 220].

При зрительном восприятии формируемый человеком образ топологически воспроизводит внешнее пространство. Синтаксическая структура уже поддается – в определенной степени – наблюдению. Следовательно, можно делать некоторые заключения о семантической структуре, основываясь на наблюдениях над структурой синтаксической [7, с. 83].

Пространственные отношения в языке выражаются с помощью отдельных языковых единиц и определенных типов высказываний. Восприятие любого события, его концептуализация и представление в языке во многом определяется пространственной характеристикой данного события, т.е. выделением объектов как определенных пространственных ориентиров. При этом велика роль говорящего, так как именно он ограничивает события и выделяет те или иные пространственные ориентиры – ориентиры в пространстве деятеля или наблюдателя.

Стабильность пространственного моделирования высказывания обеспечивается его связью с определенным событием окружающего мира и его пространственными характеристиками. В нашем случае такими пространственными ориентирами являются пространственные координаты, выполняющие в тексте роль стабилизирующих синтаксических конструкций.

«**Тула.** Ах, середины нет. Надо уходить со второго звонка или же отправиться в совместный путь до конца, до могилы. Послушай, ведь будет светать, когда я проделаю весь этот путь целиком в обратном порядке, а то во всех мелочах, до мельчайших. А они будут теперь тонкостями изысканной пытки.

Какое горе родиться поэтом! Какой мучитель воображенья! Солнце – в пиве

Прошло пять часов. Была необычайная тишина. На глаз нельзя было сказать, где трава, где уголь. Мерцала звезда. Больше не было ни живой души у водокачки. В гнилом продаве мшаника чернела вода. В нем дрожало отражение березки. Ее лихорадило. **Но это было очень далеко. Очень, очень далеко.** Кроме нее не было ни души на дворе.

Была необычайная тишина. Бездыханные котлы и вагоны лежали на плоской земле, похожие на скопления низких туч в безветренные ночи. Не апрель – играли бы зарницы. Но небо волновалось... Ночь издала долгий горловой звук – и все стихло. **Это было очень, очень далеко, за горизонтом.**

«**Тула, десятое (зачеркнуто), одиннадцатое, час ночи.** Дорогая, справься с учебником. Ключевский с тобой, клал сам в чемодан...».

«**2 часа.** Вера сердца больше, чем когда еще, клянись тебе, придет время, – нет, дай вперед рассказу...»

«**Пока писались эти строки,** из будок вышли и поплелись по путям низкие наспальные огоньки. Стали раздаваться свистки. Пробуждался чугун, вскрикивали ушибленные цепи...»

Пока писались эти строки, стали составлять смешанный елецкий.

...Ничего не изменилось во всем пространстве совести, **пока писались эти строки...**

Только тогда улегся наконец в городских номерах на Посольской чрезвычайно странный старик.

Пока писались письма на вокзале, номер подрагивал от легких шажков, и свечка на окне ловила шепот, часто прерывавшейся молчанием...

Шли часы. Он плакал и шептал. Была необычайная тишина... А тем временем, как он давился... – **на путях собирали смешанный елецкий»** [10, с. 28–34].

Введение элементов пространства наблюдателя может уточнить специфику восприятия того или иного события и, как следствие, его концептуализацию и соответствующую языковую интерпретацию: как действия, процесса, свойства.

Формально в приводимом фрагменте можно выделить три типа семантико-синтаксических структур, организующих текст: пространство (*Тула. Это было очень, очень далеко*), время (*Прошло пять часов. Два часа. Пока писались эти строки.*) и состояние (*Была необычайная тишина*). Все это осложняется сменой типов повествования. И мы оказываемся в положении между двумя пространствами: пространством деятеля и пространством наблюдателя.

Стабильность пространственного моделирования обеспечивается исходной семантикой используемого глагола, в которой содержится определенная программа языковой интерпретации события в виде обязательных и факультативных валентностей: тот или иной тип субъекта, объекта, возможность тех или иных собственно пространственных временных или качественных характеристик события. Эта программа определяет в некоторой степени и степень мобильности пространственного моделирования. Очевидно, что глаголы широкой семантики допускают большую мобильность, чем глаголы конкретной семантики (*на глаз нельзя было сказать, дрожало, лихорадило* и др.).

Мобильность пространственного моделирования обусловлена тем, что позиция наблюдателя, относительно которого ориентируется высказывание, меняется. Изменчивость связана с тем, что высказывание может охватывать не только самого наблюдателя, но и его внутренний мир, мир окружающих его событий, включая собеседника и третье лицо.

Придаточное времени *Пока писались эти строки*, повторяясь в тексте, вводит читателя в различные субъектные сферы (автора, героя, третьего лица). Важным приемом становится и инверсия, связанная с актуализацией семантики главной части сложносочиненного предложения (*Ничего не изменилось во всем пространстве совести, пока писались эти строки...*) и изменением иллокутивной функции высказывания. Пространство отражает определенную интерпретацию события с точки зрения одного из трех пространств (говорящего, слушающего или третьего лица) в виде соответствующей ориентации относительно деятеля или наблюдателя. Эта ориентация может быть представлена как вектор высказывания, который имеет денотативный или интерпретационный характер.

Ориентация высказывания относительно говорящего субъекта может происходить либо за счет включения говорящего в зону внимания (говорящий – участник, но не исполнитель, а наблюдатель). В этом случае в структуру высказывания включается имплицитный экспериенцер, под которым понимается сам говорящий. Этот прием оказывается наиболее частотным для прозы Пастернака.

Гейне спит. На улице говор. Проходят часы. Они лениво вырастают вместе с ростом черных прорезей в плетеньке. ... На улице говор. Гейне спит.

Сейчас он проснется. Сейчас Гейне вскочит, помните мое слово. Сейчас. Дайте ему только до конца доглядеть последний обрывок сновидения...

– Вот видите! Что я говорил! – Гейне вскакивает. – Сейчас! [10, с. 63–80].

В качестве темы высказывания может быть выбран любой другой элемент события. При этом выдвижение в позицию темы того или иного элемента события формирует особый способ передачи события с точки зрения говорящего или слушающего.

Вдруг ей бросилась в глаза нездоровая догадливость, с которой Сережа все чаще и удачнее стал предупреждать ее любопытство. Тогда она поняла, как он измучен, и, бессознательно касаясь этого чтения в мыслях, предложила ему раздеться и соснуть [10, с. 149].

Наличие моделей со значением пассивного восприятия соответствует общей природе перцептивности. В синтаксической структуре высказывания событийное пространство претерпевает определенные трансформации. Вектор высказывания направлен не от источника события, а от того элемента, который находится в зоне внимания говорящего. При этом высказывание приобретает исключительно интенционный характер.

Интересны случаи, когда подлежащее имеет не прототипический характер и ему приписывается говорящим некоторая псевдоактивность, при этом выражаемое событие включается в пространство говорящего субъекта и отражается с его позиций (говорящий – субъект события, который высказывает определенное мнение, дает оценку). Пространственная мобильность текста при этом увеличивается.

Пизанская косая башня прорвалась сквозь цепь средневековых укреплений. На улице число людей, выдавших ее с моста, ежеминутно возрастало. Зарева, как партизаны ползли по площадям. Улицы запружались опрокинутыми теньями, иные еще рубились в тесных проходах. Пизанская башня косила наотмашь, без разбору, пока шальная исполинская тень не прошла по солнцу... День оборвался [10, с. 63].

По существу происходит перенос фокуса внимания с одного участника на другого. Этот процесс может иметь специальное выражение – с помощью синтаксической конструкции. Именно к этому сводится семантика диатетических сдвигов и расщеплений, которую было предложено толковать как смещение фокуса внимания, а следовательно как метонимический сдвиг [9, с. 215–225].

«В гостинице горела одна только лампочка. Она встала, когда едко затрещал телефонный звонок,

и ее уже не тушили потом. Она была свидетельницей того, как подбежал к аппарату заспанный дежурный, как отложив трубку на пульт, после некоторых пререканий с звонившим, затесался он в глубь коридора, как спустя некоторое время вынырнул он из тех полутемных недр.

Лампочка оставалась гореть и тогда, когда, застегиваясь на ходу, ночной походкою, на носках, из поперечного коридорчика в главный прошел человек из восьмого, как был он назван по телефону.

Лампочка находилась как раз напротив этого номера...

– Не туши, Энрико, – раздастся в темноте из глубины коридора [10, с. 80].

Приведенные фрагменты представляют собой особый способ восприятия и концептуализации окружающего мира говорящим, т.е. включают говорящего в роли экспериенцера как составляющий элемент. Именно говорящий-экспериенцер и приписывает определенную активность явлениям. При этом в поверхностной структуре высказывания функция экспериенцера-говорящего не отражается, но имплицитруется за счет признака псевдоактивности.

Ухватившись за этот предмет, оказавшийся портфелем, солдат остановил вошедшего, как оттапливают карусель на полном ходу...

Канат гигантских шагов дрогнул и натянулся. Портфель пришел в движение [10, с. 137].

В данном случае объекту в позиции подлежащего в результате внешней каузации приписывается псевдоактивность, которая создает мобильность пространства текста.

В представленных фрагментах событийное пространство подвергается трансформации, так как вектор высказывания направлен не от источника события, а от того элемента, который попал в зону внимания наблюдателя. В результате высказывание приобретает исключительно интенциональный характер. Модус восприятия распадается при этом на множество синкретичных элементов, рекогеренция которого происходит на уровне наблюдателя.

Выводы

Восприятие, концептуализация, представление события в языке определяется не только пространственной характеристикой события, но и ролью автора высказывания, так как именно он определяет пространственные ориентиры в пространстве деятеля или в пространственнаблюдателя. Поэтому, когда вектор высказывания отражает изменение интенции в языковой интерпретации события, пространственное моделирование высказывания ориентировано относительно наблюдателя, говорящего субъекта [3, с. 212].

Литература

1. Авдеевнина О.Ю. Понятие субъект восприятия в антропологии языка и текста // Известия Саратовского университета. 2011. Т.11. Сер.: Филология. Журналистика. Вып. 2: Лингвистика. С. 7–15.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

3. Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя // Языки пространств. М., 2000. С. 212–216.
4. Бондарко А.В. К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 276–282.
5. Демешкина Т.А. Модели восприятия в поэтическом тексте как способ интерпретации мира // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы: Картина мира в немецкой поэзии и в ее русских переводах: От романтизма к модернизму: материалы российско-германского семинара (24–28 апреля 2006 г.). Томск: Том. гос. ун-т, 2006. С. 9–18.
6. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. 368 с.
7. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988. 307 с.
8. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
9. Падучева Е.В. О роли метонимии в концептуальных структурах. Таруса, 1999. С. 215–225.
10. Пастернак Б.Л. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Тула, 1993.

References

1. Avdevnina O.Iu. Poniatie sub"ekt vospriiatiia v antropologii iazyka i teksta [The concept of the subject of perception in anthropology of language and text]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta* [Proceedings of the University of Saratov]. 2011. T.11. Ser.: Philology. Journalism. Vol. 2: Linguistics, pp. 7–15.
2. Arutiunova N.D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1999. 896 p.

3. Boldyrev N.N. Otrazhenie prostranstva deiatelia i prostranstva nabludatel'ia [Reflection of worker space and the space of the observer]. *Iazyki prostranstv* [Languages spaces]. Moscow, 2000, pp. 212–216.
4. Bondarko A.V. K voprosu o pertseptivnosti [On the question of perceptual]. *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura* [Hidden meaning: the Word. Text. culture]. Moscow: Iazyki slavianskoikul'tury, 2004, pp. 276–282.
5. Demeshkina T.A. Modeli vospriiatiia v poeticheskom tekste kak sposob interpretatsii mira [Models of perception in the poetic text as a way of interpreting the world]. *Evropeiskii interlingvizm v zerkale literatury: Kartina mira v nemetskoj poezii i v ee russkikh perevodakh: Ot romantizma k modernizmu: materialy rossiisko-germanskogo seminar (24–28 apreliia 2006 g.)* [European interlingvizm in the mirror of literature: Picture of the world in German poetry and its Russian translations: From Romanticism to Modernism: the materials of the Russian-German workshop (24–28 April 2006)]. Tomsk: Tom. gos. un-t, 2006, pp. 9–18.
6. Zolotova G.A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow, 1982. 368 p.
7. Kasevich V.B. *Semantika. Sintaksis. Morfologiia* [Semantics. Syntax. Morphology]. Moscow, 1988. 307 p.
8. Kubriakova E.S. *Iazyk i znanie* [Language and Knowledge]. Moscow: Iazyki slavianskoikul'tury, 2004. 560 p.
9. Paducheva E.V. *O roli metonimii v kontseptual'nykh strukturakh* [On the role of metonymy in conceptual structures]. Tarusa, 1999, pp. 215–225.
10. Pasternak B.L. *Sochineniia: v 2 t. T. 2. Tula, 1993.*

УДК 81'374

Ю.Н. Драчева, А.Б. Крылова
Вологодский государственный университет

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ДИАЛЕКТНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (конкурс поддержки молодых ученых 2014 года, проект № 14-34-01263 «Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”»)

Статья посвящена вопросам развития региональной электронной лексикографии в рамках антропоцентрической парадигмы. На примере электронных ресурсов, посвященных вологодским говорам, рассматривается переход от описания структурно-семантических особенностей языковых единиц к когнитивным исследованиям на материале корпусов текстов и анализу диалектной языковой личности.

Диалектология, электронная лексикография, вологодские говоры, антропоцентрический подход, диалектная языковая личность.

The paper aims to investigate the problems of development of regional electronic lexicography within the anthropocentric paradigm. Considering electronic resources on Vologda dialects, the authors define the transition from the description of structural and semantic features of language units to cognitive research based on corpora of texts and analysis of dialectal language personality.

Dialectology, electronic lexicography, Vologda dialects, anthropocentric approach, dialectal language personality.

Введение

Возникающие в современной диалектологии разнообразные подходы к изучению языковых явлений

являются одним из наиболее ярких примеров развития антропоцентрической парадигмы в лингвистике. Антропоцентризм как принцип исследования языка